

Диана Веринская

ЛЮБОВЬ
ВОСПОМИНАНИЙ

Диана Веринская

ЛЮБОВЬ
ВОСПОМИНАНИЙ

BOSTON • 2025 • CHICAGO

Диана Веринская

Любовь воспоминаний

Deana Verinskaya

Love of Memories

Copyright © 2025 by Deana Verinskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-67-8

Proofreading by Julia Grushko

Book design and layout by Yulia Tymoshenko

Cover design by Larisa Studinskaya

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	54
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	81
Глава 14	84
Глава 15	87
Глава 16	91
Глава 17	94
Глава 18	96

Глава 19	99
Глава 20	101
Глава 21	105
Глава 22	107
Глава 23	111
Глава 24	113
Глава 25	116
Глава 26	119
Глава 27	121
Глава 28	125
Глава 29	128

*Моему любимому мужу
посвящается*

Глава 1

Первое сентября—день, когда природа словно дышит ожиданием. Осень осторожно касалась земли, превращая тундру в живую палитру золотых и багряных тонов. Солнце, словно прощаясь с летом, посылало свои последние тёплые лучи, которые мягко скользили по редким кустарникам и невысоким кочкам, покрытым пушистым лишайником. Бескрайние просторы тундры простирались перед глазами, как величественная, суровая картина природы. Тишину нарушали лишь порывы ветра, несущие прохладный аромат осенней земли и придающие окружающему пейзажу ещё больше величия. Каждый вдох наполнял лёгкие свежестью и ощущением того, что начинается новый цикл жизни.

Первое сентября всегда казалось чем-то особенным. Это был не просто день, когда прощались с летом и начинались занятия. Это был рубеж—граница между беззаботной свободой каникул и новыми школьными вызовами. Каждое первое сентября приносило с собой ощущение свежего старта, ожи-

дание чего-то нового, необычного. Просторы тундры, уходящие за горизонт, как бы напоминали, что время не стоит на месте, и новый учебный год— это ещё одна возможность увидеть мир по-новому.

Школа постепенно пробуждалась, как будто выходила из летней спячки. Пустые коридоры вновь оживали, наполняясь смехом и голосами учеников. Казалось, даже стены впитывали этот шум, вибрируя от множества шагов и радостных восклицаний. Возвращаясь после каникул, все торопились поделиться своими историями. Воздух был наполнен радостью, лёгким волнением и предвкушением нового. Яркие букеты для учителей, свежие школьные формы, шуршащие при каждом движении, придавали этому дню особую торжественность. Осенний ветерок, пахнущий новыми начинаниями, проникал в открытые окна, добавляя дню ощущение свежести и надежд.

6 «А» класс был особенным. Нас объединяли не только школьные будни, но и общие шалости, игры, дружба, которая крепла с каждым годом. Мы были как одна большая семья, где не было места одиночеству. Вместе переживали все радости и трудности школьных лет, и с каждым годом наша связь становилась всё крепче, как невидимая нить, соединяющая наши судьбы.

Школьные годы—это не только уроки и перемены. Это время открытий, когда каждый день приносит что-то новое и удивительное. В суровых просторах тундры, где зима, казалось, длилась вечно, каждый день, проведённый вместе, стано-

вился особенным. Школа была больше, чем просто место учёбы, — это был наш второй дом. Здесь, среди друзей, рождались воспоминания, которые мы будем бережно хранить всю жизнь. Атмосфера, пропитанная смехом и секретами, делала это время поистине волшебным. И каждый сентябрь мы вновь окунались в этот мир, где учёба и дружба переплетались, создавая нить, связывающую наше детство.

Когда я вошла в класс с подругой Леной, знакомая обстановка окутала меня тёплой волной воспоминаний. Всё вокруг было как прежде, словно и не было этой долгой летней паузы, но при этом что-то едва уловимое изменилось. Одноклассники с увлечением обсуждали свои летние приключения, разглядывали друг друга с любопытством, словно впервые видели. В душе разливалось приятное тепло — вот они, мои друзья, с которыми предстоит прожить ещё один удивительный учебный год. Дима вытянулся так, что его было не узнать, у Наташи появилась новая стильная стрижка, которая заметно изменила её облик. А Саша, как всегда, оставался душой компании, мгновенно заражая всех своим жизнерадостным настроением.

Этот день был началом чего-то нового, удивительного и в то же время таким знакомым и родным. Пока мы с Леной шли к своим местам, я шутиливо ударила кого-то портфелем по спине, а кто-то пробежал мимо и дёрнул меня за косу. Это был наш неизменный школьный ритуал — шалости, смех, шепотки на переменах, которые создавали атмо-

сферу принадлежности к чему-то большему, чем просто учебные занятия. Это была жизнь в дружном коллективе, который знали и любили все.

Я медленно подошла к своей привычной парте — третья с конца, в третьем ряду. Тогда, в те годы, учителя сами рассаживали учеников, так что выбора у нас не было. Лена села впереди меня, и мы, не обмениваясь словами, молча оглядели класс, ожидая звонка. Школьная форма, строгая и выверенная до мелочей, стирала любые различия между нами, придавая всему классу единый вид. Девочки носили коричневые платья с чёрными фартуками на буднях, а для торжественных случаев — белые фартуки, аккуратно накрахмаленные до блеска. Мальчики были одеты в тёмные пиджаки и брюки, а под ними — белоснежные рубашки, которые матери всегда готовили заранее. В этой форме, строгой и сдержанной, было что-то объединяющее. Она как будто превращала нас в одну команду, где неважно было, кто ты вне школы, а главное — что ты часть этого коллектива.

Прозвенел звонок, и класс затих. Кто-то ещё шептался, а девочки, хихикая, обсуждали что-то о летних каникулах. Атмосфера начинала меняться — ожидание нового учебного года висело в воздухе. Вскоре в класс вошла наша классная руководительница, Вера Трофимовна. Она была строгой, но справедливой, и все ученики уважали её за это. Мы встали, приветствуя её. Именно в этот момент я вдруг осознала, что сижу одна. Все остальные уже расселись по парам, как полагалось, а я оказа-

лась единственной без соседа. Волнение охватило меня. Почему я одна? Я начала оглядываться по сторонам, пытаюсь найти объяснение, но прежде чем я успела что-то предпринять, дверь открылась вновь.

В класс вошёл мальчик. Он был невысоким, с дипломатом в руках, а его глаза отражали лёгкую тревогу, как у каждого новичка, попавшего в незнакомую обстановку. Вера Трофимовна с доброй улыбкой представила его:

— Ребята, знакомьтесь, это наш новый ученик — Олег.

Она повернулась ко мне и добавила:

— О, Диана, у тебя свободное место! Олег, садись рядом с ней.

Моя тревога тут же испарилась, уступив место любопытству. Интересно, каким окажется этот новый одноклассник?

Глава 2

Что это? Почему так забилося сердце? Почему оно сжалось и больше не отпускает? Я всего лишь ребёнок. Я ещё не понимала, что это — любовь. Та самая любовь, о которой я читала в книгах, видела в кино, но никогда не думала, что она придёт ко мне... сейчас. Нет, это слишком рано. Я не готова к этому. Но, похоже, это всё же она. Первая любовь. С первого взгляда.

Когда Олег сел за парту рядом со мной, всё во мне изменилось. Его шаги, казалось, звучали громче всего вокруг, и когда он опустился на стул, я почувствовала, как земля слегка ушла из-под ног. Моё сердце на мгновение замерло, а потом начало биться с такой силой, что я испугалась, что кто-то это заметит. Почему именно он? Почему именно в этот момент? Он не сделал ничего особенного, просто прошёл к своему месту, но для меня всё вокруг словно растворилось, исчезло в неясном тумане.

Когда наши взгляды встретились, пусть даже на краткий миг, я ощутила, как время остановилось.

Этот взгляд — быстрый, почти случайный, — зажёг во мне что-то, чего я не могла объяснить. Я не понимала, что происходит, но ощущение было почти волшебным. Мир вокруг стал другим: ярче, объёмнее, но в то же время настолько далёким, будто я смотрела на него через плотную вуаль.

В этот момент всё, что я знала о себе, перестало иметь значение. Было только это новое, незнакомое чувство, которое пронзило меня насквозь, как молния, пронзившая ясное небо. Мне казалось, что воздух вокруг меня стал тяжелее, каждый вздох давался с трудом, как будто моё сердце забилося не только от волнения, но и от чего-то большего, чего-то, что я ещё не могла объяснить.

Это было как лёгкий удар — тихий, но мощный, заставляющий моё сознание перевернуться. Мир перестал быть прежним. Время тянулось странно, медленно, а я не могла отвести взгляд от него, будто вся моя жизнь теперь сосредоточена на этом коротком моменте. Всё внутри меня замерло, и только сердце, дрожа, билось в груди, как пойманная птица, пытающаяся вырваться наружу.

Я не знала, что это за чувство. Я не понимала, почему оно так внезапно овладело мной. Но в тот момент я поняла одно — это любовь.

Глава 3

Что происходило дальше, я помню лишь обрывками. Мысли путались, слова звучали глухо и далёкими, словно эхо из пустоты. Первый учебный день подошёл к концу, и, как обычно, я возвращалась домой с подругами. Мы шли неспешно, почти сливаясь в одно целое, как будто пытаюсь оттянуть неизбежное расставание. Наши дома стояли в ряд — шесть корпусов, и у каждого мы останавливались, чтобы вновь и вновь обменяться шутками и историями. Тогда не у всех были даже простые телефоны, и каждая минута общения казалась бесценной — как золотая нить, которую мы не хотели разрывать.

Девочки весело обсуждали учителей, которые за лето едва изменились, новых друзей, одноклассников и курьёзные случаи на переменах. Но мне не хотелось идти домой. Я всеми силами старалась продлить эти моменты, словно что-то важное должно было вот-вот произойти. Время текло медленно, но каждый шаг приближал расставание, и его нельзя было избежать.

Когда я наконец вошла в дом, меня встретил привычный, но всё же уютный хаос. Младшая сестра Лена, полная восторга от своего первого дня в школе, с захватывающим энтузиазмом рассказывала маме о новых подругах и своей первой учительнице. Мама, занятая приготовлением ужина на кухне, слушала её, кивая с доброй, но слегка усталой улыбкой. Я заметила, что её мысли витали где-то далеко, утопая в рутине и заботах дня. Я прошла мимо, не вмешиваясь в их разговор, и тихо скрылась в нашей с Леной комнате.

В комнате, окружённой куклами и мягкими игрушками, я вдруг почувствовала, что всё это стало мне чужим. Вещи, которые когда-то приносили радость, теперь казались чем-то далёким и ненужным. «Неужели я взрослею?» — мелькнула мысль. Ощущение взросления охватило меня, но я не могла до конца понять, что со мной происходит. Вопросы вихрем кружились в голове, но ни одного ответа не было. Единственное, чего я хотела сейчас, — это снова вернуться в школу и увидеть его... Олега.

Мир сузился до одной точки — до него. Знания, уроки, учебники — всё потеряло значение. Я не могла осознать, что происходит со мной, и не знала, где искать ответы на свои вопросы.

Я боялась насмешек. Боялась, что в классе подруги не поймут меня, что их взгляды будут полны осуждения, а слова — колючими и язвительными. Эта тревога разъедала меня изнутри, и чтобы найти хоть каплю покоя, я взяла тетрадь, назвала её «Мой дневник» и начала записывать туда все свои мысли

и чувства. Это стало моим убежищем, тихим местом, где я могла быть откровенной с самой собой.

Но дневник не мог решить всех моих проблем. Когда я возвращалась в школу, мысли о нём не давали сосредоточиться. Учёба... Учёба шла из рук вон плохо. Я плыла по течению, едва интересуясь тем, что происходило на уроках. Школа казалась мне скучной и однообразной. Меня совершенно не волновало, куда я поступлю после выпуска и кем стану. В глубине души я знала: папа всё устроит, и мне не о чем беспокоиться. Это ощущение безопасности с одной стороны успокаивало, но с другой — лишало всякой мотивации.

Наша семья казалась такой же обычной, как и у большинства, или, по крайней мере, такой, какой я её себе представляла. Отец каждое утро, ровно в девять, уходил на работу, а мама, начиная свой день раньше, в восемь, отправлялась на свою службу. Вечером, вернувшись домой, она растворялась в рутинных заботах: на кухне звенели кастрюли, стучала крышка чайника, а в воздухе витали ароматы свежеприготовленного ужина. Всё повторялось с удивительной точностью — день за днём. Ужин, уборка, мимолётные обсуждения новостей — на этом и заканчивалось наше общение.

Уборка дома была возложена на меня, и я выполняла её машинально, как хорошо заведённый механизм. Пыль, как символ времени, скапливалась на мебели, и я стирала её, не задумываясь. Но этот процесс был чем-то большим, чем просто наведение порядка, — он словно отражал нашу семей-

ную жизнь, лишённую настоящих эмоций и ярких моментов. Мы двигались в этом круговороте дел, как планеты по своей орбите, почти не сталкиваясь и не обращая друг на друга внимания.

Каждое моё движение было частью привычного сценария: натёртый до блеска пол, ровно сложенные полотенца, аккуратно расставленная посуда. В этом сценарии не было места неожиданностям, и он, как мягкий шёлковый кокон, окутывал нас, делая невидимыми для самого главного — внимания, понимания, тепла. Мы жили в собственных маленьких мирах, рядом, но в то же время далеко друг от друга. Была ли я частью семьи? Скорее, я чувствовала себя призраком. Я существовала, но была почти незаметной, и мне это даже нравилось — прятаться в тени, избегая лишних разговоров с родителями. Каждый из нас жил своей жизнью, просто зная, что мы есть друг у друга, но этого было недостаточно.

Снаружи всё продолжало казаться обычным, но внутри меня происходила невидимая буря — ураган чувств, вопросов, желаний, которому, казалось, не было конца. Этот хаос бушевал так глубоко, что никто не мог его заметить. Каждый мой день был похож на следующий, словно жизнь застряла в одном и том же ритме, и никто не видел ту борьбу, которую я вела внутри себя.

Мы все воздвигли вокруг себя невидимые стены. Барьеры, которые охраняли наши мысли, страхи и желания, не позволяли нам увидеть друг друга

по-настоящему. Мы жили в одном доме, в одном пространстве, но каждый оставался в одиночестве. Эта разобщённость была почти невыносимой — тишина, в которой можно было услышать лишь собственные мысли. Я ловила себя на том, что каждый раз, когда пыталась уловить хотя бы отголосок чужих эмоций, они разбивались о стены чужого безразличия. Иногда мне казалось, что так живут все — в каком-то молчаливом согласии с этой эмоциональной отдалённостью. Но внутри меня всегда был голос, который шептал мне, что так не должно быть.

Я жаждала тепла. Хотела, чтобы кто-то заглянул мне в душу, увидел моё одиночество и протянул руку. Я мечтала о том, чтобы кто-то сломал этот барьер и разделил со мной мои чувства. Это была невыразимая тоска, и я даже не могла понять, чего именно мне не хватает. Вроде бы все близкие рядом, но одновременно далеко. Пустота внутри меня росла, и я ощущала, как каждый день отдалял меня всё дальше от тех, кого я когда-то любила.

Эта разобщённость приносила с собой чувство потери, как будто я теряю нечто важное, хотя и не знала точно, что именно. Было ли это утраченное время? Неразделённые эмоции? Или, может, это было что-то более глубокое — связь, которую мы упустили, когда слишком увлеклись собственными жизнями? Внешне я продолжала искать утешение в одиночестве, наслаждаясь редкими моментами, когда меня никто не трогал. Но даже в этих мгновениях покоя было что-то мучительное,

как будто тишина была слишком громкой, а мои собственные мысли стали моими врагами.

В глубине души я знала, что хотела большего. Я хотела разделить чувства, прикоснуться к чьему-то сердцу и быть услышанной. Эта монотонная рутина, в которой каждый день был похож на предыдущий, казалась мне естественной, как законы природы, и всё же я чувствовала, что это не всё. Где-то там, за пределами нашего дома, существовал другой мир, полный красок, эмоций и ответов на мои вопросы. Но этот мир оставался за закрытыми дверями. И каждый раз, когда я приближалась к этим дверям, меня охватывал страх — а вдруг то, что я найду снаружи, будет ещё более пугающим, чем эта замкнутая жизнь?

Тревожное чувство внутри росло с каждым днём, но мне не хватало смелости его исследовать. Как часто в жизни мы соглашаемся на меньшее, потому что боимся неизвестности? Мы привыкаем к своей клетке, даже если она сделана из невидимых прутьев, и не замечаем, как сами превращаемся в её заключённых. Я начинала понимать, что, возможно, эта внутренняя пустота — не просто одиночество, а призыв к переменам. Но прежде чем что-то изменить, нужно было осознать, что именно удерживало меня внутри этих стен.

Мои мысли были как река, которая не могла найти выхода. И каждый день я чувствовала, как эта река всё больше переполняется, угрожая разрушить плотину моего спокойствия.

Глава 4

День за днём школьная рутина оставляла свои невидимые, но ощутимые следы на нашей жизни. Время летело так быстро, что я не успевала осознать, как всё вокруг постепенно меняется. Олег вошёл в наш класс с уверенностью человека, который точно знает, что сказать, как улыбнуться, как обворожить. Его привычка небрежно взмахнуть рукой, поправляя прядь волос, или тот едва заметный насмешливый огонёк в глазах, когда он окидывал класс взглядом, моментально привлекли к нему всеобщее внимание.

Каждый день, сидя с ним за одной партой, я ощущала, как сердце замирает и тут же начинает бешено колотиться, словно оно вот-вот вырвется из груди. От этих чувств хотелось одновременно и спрятаться, и остаться на виду. Казалось, что вся наша маленькая вселенная в классе слышала этот неистовый стук, но Олег, как ни странно, не замечал его. Для него я была лишь тенью — прозрачной и незаметной частью фона. Он не обращал внимания на мои украдкой брошенные взгляды, на мои

попытки заговорить с ним или на то, как мои пальцы непроизвольно начинали тереть ручку, когда он был рядом. Всё это время я существовала в его мире, но оставалась невидимой.

Каждый раз, когда он смеялся, в классе словно светило солнце. Его звонкий, радостный смех разливался теплом, и я мечтала, чтобы хоть однажды этот смех прозвучал для меня. Но, как бы я ни старалась, Олег всегда был окружён теми, кто смелее, ярче и интереснее меня. Они с лёгкостью входили в его мир, становясь его частью, в то время как я оставалась лишь немым наблюдателем, сидящим рядом за одной партой.

Иногда я ловила себя на мысли, что однажды произойдёт что-то особенное, и он посмотрит на меня иначе — не как на просто соседку по парте, а как на кого-то важного. Я представляла, как он поворачивается ко мне с загадочной улыбкой и говорит что-то только для меня, что-то, что останется между нами. И я смеялась бы в ответ, как будто мы всегда были так близки. Но реальность была далека от этих мыслей. Он смеялся с другими, шутил с учителями, и ни разу за все эти дни не посмотрел мне в глаза.

Иногда отчаяние толкало меня на импульсивные поступки, о которых я потом жалела, но в моменте они казались единственным способом выразить то, что я чувствовала. Когда моя рука, словно по собственному желанию, поднимала учебник и слегка ударяла его по голове за его очередную насмешку,

в этом была не только вспышка раздражения. Это была моя немая мольба: «Заметь меня! Посмотри на меня!» Я хотела быть не просто тенью за соседней партой, а кем-то значимым в его глазах. Каждый раз после такого поступка меня охватывала глубокая вина, словно я нарушила какой-то невидимый барьер, который отталкивал меня от него ещё сильнее. Но, несмотря на это, внутри теплилась маленькая, едва уловимая надежда — а вдруг он всё-таки увидит во мне нечто большее? В такие моменты мне казалось, что я борюсь не только с его равнодушием, но и с собственной неуверенностью, с внутренним страхом быть незамеченной, оставленной на заднем плане.

Однако время шло, а ничего не менялось. Я продолжала сидеть рядом за одной партой, день за днём ощущая, как каждый из них уходит, не оставляя следа. Мы вместе закончили шестой класс, но между нами так и осталась непреодолимая пропасть. В его мире для меня не находилось места, а в моём сердце всё громче звучала боль безответной любви.

Мой дневник постепенно превращался в исповедь, полную скрытых слёз, тревог и мучительных переживаний. Он был единственным местом, где я могла без оглядки раскрыть свои самые сокровенные эмоции. Каждая запись словно вытягивала из меня боль, которую невозможно было выразить словами в реальной жизни. Олег был центром моего мира, и в его присутствии я теряла контроль над собой. Каждый раз, когда он подходил, я ощу-

щала, как в груди что-то сжималось. Мысли хаотично мелькали в голове, но не могли оформить связную речь. Руки начинали дрожать, сердце било так, будто вот-вот вырвется наружу, а лицо мгновенно краснело. Я хотела сказать что-то значимое, передать всю глубину своих чувств, но страх быть разоблачённой, страх показаться слабой переворачивал меня изнутри.

Этот дневник был моим единственным прибежищем, местом, где я могла осмыслить всё происходящее, выразить боль от невозможности сказать правду. Я писала о том, что мне было так страшно открыться, что даже сама мысль о том, что кто-то мог бы узнать, как сильно я его люблю, вызывала панику. Писать об этом было легче, чем говорить, потому что бумага не осуждает, она просто принимает все мои внутренние страхи и желания.

Мой дневник был местом для выражения эмоций, формой защиты, который позволял мне хоть как-то обрабатывать и контролировать собственные чувства. В реальности, перед лицом Олега, я ощущала себя беспомощной, погруженной в свой внутренний конфликт — между желанием быть понятой и страхом быть отвергнутой. Этот внутренний разлад создавал эффект паралича — ум молчал, а тело реагировало спонтанно и неконтролируемо.

Каждый раз, когда я не могла сказать то, что хотела, в дневнике появлялась очередная запись — попытка компенсировать упущенные слова. Эти моменты отчаяния и невозможности контролировать свои эмоции привели к тому, что мой дневник

стал своеобразной картой моих несказанных слов, моей глубинной тоски по невысказанному.

Седьмой класс оказался ярким и запоминающимся. Школа стала для меня настоящим оазисом, где жизнь была ключом, а каждый день приносил что-то новое. Мы с подругами смеялись до слёз на переменах, обсуждали последние сплетни, мечтали о будущем и строили планы. На уроках, даже самых скучных, мы находили повод для веселья — будь то смешной комментарий одноклассника или случайная фраза учителя. Эти мелочи придавали школе особое очарование. Здесь, среди друзей, я чувствовала себя нужной и живой.

Подруги были настоящей поддержкой. Мы вместе справлялись с любыми трудностями, будь то контрольные или подростковые драмы. С ними всё было проще: наши шутки, переписки после школы и совместные прогулки помогали забыть обо всём, что оставалось за пределами школьных стен. Мы были как единое целое — никто не чувствовал себя лишним, и, как казалось, эта дружба могла выдержать любые испытания.

Дома всегда витала какая-то напряжённая атмосфера. Вроде бы родители интересовались моей жизнью, задавали привычные вопросы о школе, о том, как у меня дела, но каждый раз, когда я хотела рассказать что-то важное, всё внутри сжималось. В горле застревали слова, как будто я заранее знала, что любое откровение может обернуться неловкостью или, что хуже всего, осуждением. Казалось, их ожидания от меня всегда были выше,

чем я могла предложить. Как бы они ни старались, я всё равно боялась услышать от них что-то, что выбьет почву из-под ног, заставит сомневаться в своей ценности.

Эта невысказанность обволакивала нас, как густой туман. Я молчала, потому что верила, что так будет проще: лучше сохранить мир, чем испытать боль от возможного непонимания. Каждый раз, когда я пыталась поделиться своими мыслями или переживаниями, внутри возникала паника. Мне казалось, что любое слово может вызвать у них сомнения в моей искренности или значимости. Я словно ходила по тонкому льду, опасаясь, что если открою им свою душу, они просто не примут меня такой, какая я есть.

Этот страх быть непонятой постепенно вытеснял желание говорить. Ощущение, что я живу в своём мире, а они—в своём, усиливалось с каждым днём. Мы продолжали жить под одной крышей, но расстояние между нами увеличивалось, как будто каждый из нас уносил свои заботы в тихие уголки души. Их внимание к моим успехам и тревогам было, но оно не проникало в глубину. Мне казалось, что если бы я рискнула и рассказала всё, что у меня на душе, они бы не смогли услышать и понять это так, как мне хотелось. Они могли бы дать дежурный совет, который скорее бы оттолкнул, чем поддержал.

И вот эта невысказанность становилась частью нашей повседневной жизни, как фон, на котором играли наши будни. Мы жили как будто в разных

мирах, окружённые своими мыслями и страхами, и, возможно, я могла бы изменить это. Но каждый раз, когда я думала о том, чтобы сказать что-то важное, этот страх, что меня не примут, словно приковывал меня к месту.

И тогда был ещё Олег. В школе, в шуме и веселье, его присутствие притягивало меня, но он словно не замечал моих взглядов. Мы пересекались в коридорах, на уроках, и каждый раз я ловила себя на том, что его молчаливое равнодушие ранит больше, чем любое слово. Он казался далёким, как звезда, которую невозможно достать. Его внимание было направлено на других, и я оставалась всего лишь тенью на заднем плане.

Эти контрасты разрывали меня изнутри: с одной стороны, школа—полная жизни и смеха, с другой—дом, наполненный тишиной и страхами, о которых я не могла рассказать. И где-то посередине, в моём сердце, — невыносимое желание быть замеченной тем, кто был мне дорог.

Прошлое. Как часто оно затягивает нас в свои сети, словно туман в дремучем лесу, где каждый шаг отзывается эхом воспоминаний, а тропы исчезают в бесконечности. Прошлое манит нас своей обманчивой теплотой, обещая ответы на все вопросы, что мучают в настоящем. Мы шаг за шагом углубляемся в этот лабиринт, надеясь вернуть потерянные чувства, услышать несказанные слова, пережить заново исчезнувшие мгновения. И лишь однажды приходит осознание: прошлое — это зеркало, которое отражает не столько то, что было, сколько то, чего никогда не произошло.

Любовь... Странное, необъяснимое чувство, неподвластное ни времени, ни логике. Как тень, оно может следовать за нами годами, прятаться в самых глубоких уголках души. Оно превращает воспоминания в яркие вспышки, в застывшие мгновения, отпечатанные в сердце, от которых не избавиться, как бы мы ни старались. Мы продолжаем жить, встречаем новых людей, строим семьи, работаем, но прошлое порой неожиданно возвращается, напоминая о себе в моменты, когда мы меньше всего этого ждем.

У каждого из нас своя история любви — потерянной или нераскрытой. Иногда она кажется вечной, продолжающейся где-то на границе реальности, оставляя незаживающие следы. Но что, если любовь — лишь воспоминание? Как жить дальше, если сердце упрямо держится за иллюзию, давно канувшую в тень?

Моя история — не просто рассказ о любви. Это путь поиска себя в мире, где прошлое и настоящее переплетаются в вихре чувств, из которого нелегко вырваться. Это история о том, как глубоко могут укорениться воспоминания, как сильно они могут на нас влиять, и как важно, несмотря на это, найти в себе силы отпустить их.

В этой книге я расскажу о моментах, когда любовь казалась одновременно и спасением, и проклятием. О том, как легко потерять себя, пытаюсь удержать кого-то другого, и как трудно вновь найти себя, когда иллюзия рассеивается. Но главное, что я поняла — настоящая любовь начинается с любви к себе.

Любовь воспоминаний может удерживать нас в прошлом, но впереди всегда есть свет настоящего. Мы лишь должны научиться его разглядеть.